

НАШИ советские ребята в своем большинстве смелые, честные, дружные и добрые. Воспитание детей идет у нас широким фронтом. Воспитывать наших детей призваны сотни и тысячи людей — и родители, и педагоги, и мы, писатели. Все они хотят одного: вырастить ребят честными, трудолюбивыми, образованными и культурными людьми своего времени. Мы смело можем сказать: нет в нашей стране золушек, нет «мальчиков с пальчик», которым негде спать и нечего есть, и, если не все еще дети живут в идеальных и даже хороших условиях, если не всем родителям легко их воспитывать, то все же каждый советский человек твердо знает, что перед его детьми открыта широкая дорога в их творческом и свободном труде.

И все же многое уходит из поля зрения взрослых. Тревожные сигналы нередко раздаются из детских комнат милиции, из прокуратуры, из пионерских отрядов. Желтый и красный свет зажигается то тут, то там. Одни не желают учиться, вторые хулиганят, третьи грубят и лгут на каждом шагу, четвертые уличены в воровстве.

Вопрос воспитания нового человека был и остается одним из самых важных вопросов, в решении которого мы, советские писатели, пишущие для детей, играем не последнюю роль.

Новое время предъявляет к нам новые требования. Оно рождает новые черты в характере детей, а следовательно, и героев наших произведений.

Во все времена в литературе всех стран были свои, признанные детьми положительные и отрицательные герои. Здесь и озорной Том Сойер, отважный Робинзон и Пятница, самозабвенный «Звездный мальчик», злые сестры Золушки. Да мало ли их, литературных героев, формировавших мировоззрение юного читателя, направляющих его чувства во имя познания добра и зла?

Дети меняются со временем. Нам надо очень точно понять внутреннюю жизнь современных детей, чтобы правильно писать о них и для них. Нам надо понять, какие мысли и идеи движут ими, какие скрытые, невидимые для глаз пружины направляют их действия.

НОВОЕ ВРЕМЯ, НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

Из выступления
С. МИХАЛКОВА

Дети шестидесятых годов совсем иные, чем дети двадцатых, тридцатых и даже сороковых годов нашего столетия. Они тоже играют в куклы, тоже читают заповед «Приключения Тома Сойера» и «Трех мушкетеров», но растут и развиваются они совсем в иных условиях. Их детство освещают полеты спутников и огни городов на бывшей целине. Они являются свидетелями огромных и важных событий в мире. Дети запросто рассуждают о космических скоростях и о кибернетике, их горячо интересует судьба греческого патриота Манолиса Гlezоса и законного премьер-министра Конго Лумумбы. Они полюбили Фиделя Кастро, они — ярые сторонники мужественных патриотов Алжира. Мне довелось самому видеть, как ребята 12—13 лет с огромным интересом читали вслух речь Никиты Сергеевича Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН — беспощадный приговор колониализму. Эта речь волновала их своей справедливой страстью, была для них романтикой сегодняшнего дня.

— Сила! — сказал один из ребят. — Теперь, небось, плантаторы не так запляшут!

Дети наши сложнее, чем это представляют себе иные педагоги и драматурги. Сложнее и интереснее многих героев наших драм и комедий.

Но есть еще одна особенность, отличающая наших детей от детей сороковых годов. Современные дети не знают тягот войны, ибо родились они в послевоенные годы. Слава богу, они не слышали свиста бомб и рева сирен воздушной тревоги. Они не знают, как можно бояться потерять хлебные карточки, как бежать по снегу босиком к партизанам, спасаясь от кровавой расправы фашистов.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. стала для них, детей шестидесятого года, одним из фактов истории, о котором они узнали из рассказов взрослых, из книг и кино. Многие наши дети, к сожалению, далеко не всегда знают це-

ну труда и хлеба, который они едят.

И вот среди наших подростков то тут, то там вырастают этакие потребители жизненных благ, пассивные «созерцатели» жизни нашего общества, ленивые, развязные скептики, равнодушные к труду, ко всему, чем живет и дышит наш героический советский народ.

— Запустили новый спутник? Подумаешь!

— Освоили целину? Ну и что? Появляются юные ханжи, лицемеры, подхалимы и карьеристы. Кстати, один из них отлично изображен в пьесе «Друг мой, Колька!».

Пусть их меньшинство, этих отрицательных героев нашей действительности, но мы не имеем права проходить мимо них равнодушно, обращаясь только к тем, кто является для нас «положительным» персонажем.

Главный вопрос, который должен сегодня волновать нас, — это то, чем мы можем помочь нашему юному другу стать настоящим строителем коммунизма, гармоничным человеком будущей прекрасной эпохи? Что нам надо еще сделать, каковы наши задачи в пути?

У каждого воспитателя свое оружие. Педагоги, агрономы, инженеры, рабочие несут в школу свои знания и труд. Политехническое обучение, надо надеяться, принесет свои добрые плоды. Но рядом с политехническим образованием должна стоять не менее важная область воспитания — эстетическое воспитание нового поколения. Важность, необходимость его как будто не вызывают сомнений.

В самом деле, как политехническое воспитание существует вовсе не для того, чтобы научить детей чинить пробки или стругать табуретки, а для того, чтобы привить ребенку любовь и уважение к труду, выработать в нем трудовые навыки, так и эстетическое воспитание служит для того, чтобы вырабо-

вать в ребенке широту мировоззрения, любовь к прекрасному, доброту, гуманность — в общем, многие высокие моральные качества, необходимые человеку будущего общества. И, конечно же, чувство здоровья юмора!

Казалось бы, все педагоги, и особенно Академия педагогических наук, должны были уже давно разрабатывать целый «свод законов» эстетического воспитания детей и широко применять его в жизни. Но на практике получается иначе: как ни странно, эстетическое воспитание — это пока еще некая педагогическая целина.

И если в детском саду, поскольку это входит в программу дошкольного воспитания, ребенка еще как-то знакомят с природой, цветом, звуком, то в школе эстетическому воспитанию уделяется минимальное внимание. Да и когда? На живопись, музыку, стихи времени почти не остается. И эстетическое воспитание, если оно существует, принимает некие уродливые формы, ибо оно никем не направлено.

Дети идут коллективным походом в театр, потому что они «проходят» по программе данную пьесу. Может быть, идти не очень хочется, но надо. А не хочется часто именно потому, что «надо». То же с посещением картинных галерей.

Вне школы, вне обязательных занятий по школьным дисциплинам мальчик или девочка чаще всего самостоятельно организуют свой досуг.

Что такое эстетическое воспитание, знает далеко не каждый педагог. Результаты сказываются незамедлительно: многие школьники мучительно зевают, слушая серьезную музыку, с тоской, ничего не понимая, бродят по залам Третьяковской галереи, а приходят в театр — гогочут в самых неподходящих местах пьесы. Словом, они не подготовлены к правильному восприятию искусства.

Нет у нас до сих пор хорошей книги, прочитав которую школьник сам потянулся бы к произведениям

искусства, раскрывающим перед ним мир прекрасного, заинтересовался бы творческими биографиями тех, кто оставил после себя великое наследие. Кстати, в этой связи мне хотелось бы поблагодарить сегодня с этой трибуны искусствоведа Бориса Еродского, который увлекательно рассказывает детям в своей новой книге «Каменные страницы истории» о романтике искусства архитектуры.

Некий кандидат исторических наук Колпаков тоже был ребенком. Он вырос и пошел в поход против «Мухи-цокотухи». Какое же эстетическое воспитание он получил? Какой воспитатель так страшно изуродовал беднягу? И можем ли мы допустить, чтобы у нас появлялись подобные колпаковы?

Игрушки и сказки, поэзия и музыка, живопись и сама природа, прекрасный мир цветов, слов и звуков должен быть широко распахнут перед нашими детьми. Мы обязаны научить их — всех до одного, в обязательном порядке! — любить и понимать этот мир, чтобы сделать их умнее, добрее, душевно богаче. В этом задача всех детских писателей и, конечно, драматургов, ибо драматургия — одно из звеньев драгоценной цепи, которую мы называем эстетическим воспитанием, то есть благотворным воздействием искусства на душу, мысли и характер человека.

У каждого педагога есть свое орудие. У нас, драматургов, в руках такая сильная форма воздействия, как театр. Мы можем смело поспорить о силе нашего воздействия и с музыкантами, и с художниками. Только не с кинематографистами. Они пока сильнее нас.

Кто-то сказал: «Театр — более искусство, кино — более жизнь». Я согласен с этим афоризмом.

К сожалению, я лишен возможности говорить сегодня о детской кинодраматургии. Она есть, но фильмов для детей все еще нет! Нет, потому что не оправдали себя созданные при больших киностудиях творческие объединения по производству фильмов для детей. Печальным опытом могут с вами поделиться многие из нас — и А. Мусатов, и С. Баруздин, и многие другие.

(Окончание на 5-й стр.)

отрешившись от предвзвешенной идеи, про- ник бы глубже в существо Зинаиды Васильевны, вот такого холодного и равнодушного воспитателя, то, вероятно, он нашел бы в ней и живые черты, которые приблизили бы этот образ к действительности. А сейчас вы читаете повесть с некоторым раздражением, отлично понимая всю заданность подобной литературной фигуры.

Нам думается, что миссии неудачи книг для подрастающего поколения объясняются тем, что они во что бы то ни стало хотят быть «воспитательными», а проще говоря — назидательными. При этом узком взгляде на искусство теряется самое драгоценное: его человечность, способность проникать в самые тайники человеческой души, в том числе и молодой. Ведь сколько новых животрепещущих вопросов горит сейчас в сознании юного читателя. Здесь и сложные отношения с многовековым понятием собственности, здесь и жгучий вопрос — как я, мальчик или девочка, могу слабыми своими силами немедленно помочь взрослым, на моих глазах строящим новую жизнь. Тут и острый интерес к ближайшему прошлому своего народа, к планетной войне, к легендарным временам начала строительства социализма, овеянным славой Волховостроя, Магнитогорска, Турксиба, Днепрогэса... Здесь и ревнивое чувство к людям, немногим старше тебя по возрасту, которые уже вошли в историю своими юными подвигами на целине и на новостройках семилетки. С новой силой вспыхнувшая в наши исторические дни всечеловеческая тема интернационализма, такая близкая когда-то старшему поколению, снова владеет юным сердцем. Свежий ветер, ворвавшийся в затхлый зал ООН осенью этого года, требование миллиарда освобожденных жителей планеты покончить, наконец, с колониальным рабством, освобожденные народы Индии, Индо-Китаю, освобождающаяся на наших глазах Африка, близкое сердцу Конго и легендарное имя Фиделя Кастро, звучное слово Куба — снова, как в первые годы революции, пылающая мечта интернационализма, братства трудовых народов, сочувствие к порабощенным владеют юными сердцами. И вместе с этим в них кипит желание познать мир, желание такое страстное и нетерпеливое, которого мы в свои годы не знали и которое объясняется небывалым триумфом советской науки в электронике, биохимии, астронав-

привлекая к этому занятию своего маленького сына-октябрена. Сперва, до школы, Сенька воспринимал это как некую забавную игру, ему доставлял удовольствие самый процесс торговли. Однако со временем он начал задумываться — почему они сами не едят этих вкусных вещей? Зачем и мать и он сам кладут столько труда на огороде? Почему их гогают в городе милиция? И, наконец, почему какая-то женщина обозвала его «несчастным спекулянтом»? В Сенькиной психике происходит перелом, и в конце повести он объявляет матери, что не поедет в город торговать. Этот революционный протест с удовлетворением принимается отцом и старшим братом, и даже и самой матерью, с плеч которой Сенькин отказ как бы снял висевшее над этим «советским хорошим домом» заклятие прошлого, оставленное недавно умершей бабушкой, человеком старого мира.

В этом же ряду, но в любопытном повороте стоит прелестная повесть мордовского писателя Никулы Эркая «Алешка». Здесь пробуждение нового сознания в подростке происходит при соприкосновении со злыми пережитками собственности в мрачной натуре бывшего подкулачника, а ныне работника колхозной животноводческой фермы — Федьки. Очень сердечно выписана дружба Алешки со свирепым племенным быком Байкалом — гордостью колхоза. Этого быка Федька пытается взбесить, и только бесстрашному Алешке удается успокоить Байкала и спасти его для колхоза. Алешка не подозревает о причинах такой дикой ненависти, и только в конце повести ему становится ясно, что ненависть эта идет из давних лет, из прошлого, из ужасов старого мира: Байкал для Федьки — олицетворение колхозного строя. Так в мальчишечьем сознании встает новая мораль, отвращение к психологии частного.

Должен добавить, что по непонятной причине повесть эта, опубликованная в журнале «Костер» в хорошем переводе Юрия Топина, в Детгизе вышла почему-то в другом — плохом и малограмотном. Рога быка здесь превращаются в «огромные рожища» (от слова рожа что ли?), язык пестрит такими оборотами, как: «Митрич зашагал за ним, соблюдая расстояние от умного, но и свирепого быка», «Алешка восторгался Байкалом и удачным исходом демонстрации его учености», собеседник у переводчика не соглашается, а «принимает предложение» и т. д.

та взял у Зоси энциклопедична оукавы П и Р («паром», «река») и сочинил на фанере объявление:

«Поперечная навигация на 1958 год в деревне Мшага через пресный водоем Самарчук работает ежедневно с 9 до 12, с 15 до 18». И в конце добавил: «Капитан переправы Тимофей Иванович Будашкин».

Слова «поперечная навигация», «пресный водоем», «капитан переправы» вызвали всеобщее уважение у мальчишек и стали известны всей деревне. Тимоша значительно и торжественно продолжал свой доблестный труд.

Игра обернулась общепольным делом. Вмешалось правление колхоза. Тимоше пригнали из рыболовецкого колхоза новую большую лодку, крашеную суриком, построили будку в тех зарослях у реки, где любил читать свои книжки Тимоша, а ему объявили, что на время летних каникул он назначен постоянным перевозчиком, за что будут начисляться ему трудовни, как всякому колхознику за работу в поле, в саду, на фермах или на огороде.

Вот вам и весь рассказ. В нем восемь страниц крупного (для младшего школьного возраста) шрифта, — а какую бурю зависти, почтительного уважения подымет он в душе сверстника Тимоши! И кто знает, может быть, другой Тимоша по-своему, в своих условиях повторит этот искренний и свободный вход в общепольное дело!

Жили на свете во время войны в далеком селе, в Сибири, кандаурские мальчишки. И у них — не очень-то легко, со срывами, с чисто мальчишескими глупыми просчетами во взаимоотношениях с эвакуированными в Сибирь людьми — также родилось это коммунистическое отношение к общественному труду: озорники и придумщики, мучение родителей — они стали пастухами колхозного стада, заменив и отсутствующих мужчин, и занятых работой женщин. Об этом талантливо и ярко рассказал в своей первой книжке сибирский писатель Г. Михасенко. Кстати, почему эта хорошая повесть «Кандаурские мальчишки» до сих пор не издана Детгизом?

Смыкается с этой книжкой весьма изобразительная, пахнущая травами южной степи небольшая повесть Семена Бабаевского «Сухая Буйвола», как бы от самих подростков написанная. В ней присутствует эта радость познания труда, счастливое осознание своей полезности. Сюжет весьма прост: Олег

НОВОЕ ВРЕМЯ, НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

Жизнь показала, что нам не обойтись без специальной киностудии, целиком работающей на юного зрителя. А творческие объединения са при больших студиях пусть остаются и с ней соревнуются! Нам нужна эта студия так же, как нужен журнал «Детская литература», без которого мы не можем жить и идти вперед!

Итак, вернемся к театру для детей. Мы, драматурги, часто забываем, что театр — искусство, а не школа. Что театр призван учить, углублять. И искусство это праздничное, нарядное, веселое и грустное, умное и забавное. Почему же мы часто забываем об эстетическом воздействии театра? Не слишком ли часто подмостки детских театров превращаются в некую трибуну для произнесения назидательно-воспитательных речей? Слово используем мы не для образного мышления, не для создания «жизни человеческого духа», а для назидательной болтовни. Герои наши втолковывают зрителям прописные истины: учиться надо на пятерки, драться — плохо, дружить — хорошо, влюбляться — рано, мечтать — обязательно, а врать и брать без спросу чужое — стыдно!

И детям в театре становится скучно.

Наши ребята хотят видеть на сцене то, что видят и наблюдают вокруг себя в настоящей жизни: в школе, на улице, в своей семье и в семье товарища, то, о чем читают в газетах и слышат от взрослых. А видят они разное: и благородное, и не всегда честное, и самоотверженные поступки, и дурные.

Да, ребята хотят все понять. Они хотят видеть на сцене правду о нашей жизни. Их нельзя обмануть и не надо обманывать. Засахаренные назидания и стыдливые недомолвки обижают и оскорбляют их.

Идут на сценах наших тюзов пьесы на темы современности. Идут. Их смотрят. Есть среди них и светлые и страстные пьесы Розова, есть талантливая, смелая пьеса «Друг мой, Колька!» Хмелика, есть и другие полезные пьесы, вроде «Тень над переулком» Милявского, есть пьесы о бдительности, о дружбе, но мало пьес, в которых тема и ее решение заставляли бы зрителя по-настоящему волноваться.

В пьесе «Меридиан 361-й» «псевдодовышенный» таинственный подвиг ребят в общем не вызван никакой необходимостью и может быть расценен, как угодно: и как игра в героизм, и как пустое фантазер-

ство, ибо всякий подвиг должен быть разумен, целеустремлен и целесообразен.

Тимуровцы и краснодонцы бесстрашны в литературе, потому что подвиги их — боевые и трудовые — приносили пользу людям. Опасности и трудности были оправданы необходимостью.

Я не склонен сейчас спорить о предмете драматургии, о том, что может и что не может являться темой для пьес. Я только полагаю, что и шестиклассников, и десятиклассников драматурги в своих пьесах могут и должны ставить в более реальные и более романтические обстоятельства.

Детям в театре, как воздух, нужна героика. Героика детей и героика взрослых. Современного Павки Корчагина и Олега Кошевого все еще на сцене нет. Кому из литературных героев могут подражать сегодня дети? Но разве в нашей прекрасной, бурной, полной героических событий жизни не могут они найти с нашей помощью своего героя?

Мы, драматурги, должны написать его, нашего современного героя, со всей сложностью его психологии, с постоянным активным зарядом, с широтой взглядов, с большой жаждой жизни и знания и высокой моралью. Не просто положительного мальчика или юношу — отличника и общественника, а такого героя, который в двенадцать лет умеет постоять за себя, за свое мировоззрение, за свою страну, за свое будущее, подростка, еще не совершившего, но уже подготовленного к подвигу всем ходом его общественного воспитания. И надо изображать его живым, обаятельным, веселым, озорным, а не ходульным, назидательным. Вот в чем трудность и заманчивость нашей задачи.

Вчера я имел возможность познакомиться с одним из неопубликованных писем Вс. Вишневого. В нем я прочитал: «...Человек современности чувствует, видит, слышит острее, чем скажем пятьдесят лет тому назад. И все эти моменты обострения нужно очень умело вносить в современную драматургию. Дело не во внешних обострениях и формальных поисках... а в передаче духа, темпа, сути современных переживаний, в использовании всего пространства сцены; в умелом нагнетании интереса, в умелом выделении общих и крупных планов, в использовании декораций не статических, а эволюционирующих вместе с материалом драматурга».

Мне кажется, что эти мысли Вс. Вишневого, впервые прозвучав-

шие на пленуме детской литературы, полностью применимы и к проблеме развития современного театра для детей. Пусть дети в своем театре узнают, что такое настоящий театр, что такое театральное зрелище, и воспримут его как часть современного искусства.

Сегодняшний день, трудный и прекрасный, властно входит в жизнь нашей детворы. Входит небывалым расцветом науки и техники, новой архитектурой, космическими ракетами, скоростными средствами передвижения, новой музыкой. А главное, той могучей силой, с которой горят в сердцах миллионов людей ленинские идеи о мире, о свободе народов, идеи, ежедневно претворяемые в жизнь. И наш детский театр должен отразить с нашей помощью всю силу этой современности, наполнить свою драматургию современным содержанием и современной формой. И тогда эстетическое воздействие театрального искусства будет сильным и полным. Тогда главная задача театра — воспитание людей коммунистического общества с их новой моралью, готовых к доброму и активному труду на благо всего человечества, — будет решаться успешно.